

Айн Рэнд

# Атлант расправил плечи

*Часть вторая*

**Или — или**



AYN RAND

**ATLAS**  
**SHRUGGED**

PART II

EITHER-OR

A SIGNET BOOK

АЙН РЭНД

**АТЛАНТ**  
**РАСПРАВИЛ ПЛЕЧИ**

ЧАСТЬ II

ИЛИ — ИЛИ

Перевод с английского

Издание 2-е, исправленное

УДК 82-3;141;177  
ББК 84(7);87.6  
P96

Перевод с английского В. Вебера  
Редакторы М. Корнеев, С. Лиманская, Е. Паутова

**Рэнд А.**

P96 Атлант расправил плечи : В 3 ч. / Айн Рэнд; Пер. с англ. — 2-е изд., испр.  
— Киев: Диалектика 2008.

ISBN 978-5-9614-0864-5

Ч. II. Или — или. — 424 с.

Айн Рэнд (1905–1982) — наша бывшая соотечественница, ставшая крупнейшей американской писательницей. Автор четырех романов-бестселлеров и многочисленных статей. Создатель философской концепции, в основе которой лежит принцип свободы воли, главенство рациональности и «нравственность разумного эгоизма».

Вторая часть романа «Атлант расправил плечи» — социальный прогноз. В ситуации, когда правительство берет курс на «равные возможности», считая справедливым за счет талантливых и состоятельных сделать богатыми никчемных и бесталанных, проигравшими оказываются все. Запрет на развитие производства и лоббирование интересов «нужных» людей разрушают общество. Динамика повествования задается сложным переплетением судеб героев, любовными коллизиями и загадкой, кто же такой Джон Голт.

УДК 82-3;141;177  
ББК 84(7);87.6

ISBN 978-5-9614-0864-5  
ISBN 0-451-19114-5 (англ.)

ООО «Диалектика», 2007, 2008 Издано  
по лицензии Curtis Brown Ltd и  
литературного агентства Synopsis

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ	7
Глава II. АРИСТОКРАТИЯ БЛАТА	55
Глава III. ОТКРЫТЫЙ ШАНТАЖ	107
Глава IV. ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО	151
Глава V. СЧЕТ ПРЕВЫШЕН	193
Глава VI. ЧУДЕСНЫЙ МЕТАЛЛ	235
Глава VII. МОРАТОРИЙ НА МОЗГИ	275
Глава VIII. РАДИ НАШЕЙ ЛЮБВИ	321
Глава IX. ЛИЦО БЕЗ БОЛИ, СТРАХА И ВИНЫ	351
Глава X. ЗНАК ДОЛЛАРА	375



## ГЛАВА I. ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ

Доктор Роберт Стэдлер мерил шагами свой кабинет, кляня холод. Весна в этом году припозднилась. За окном мертвенная серость холмов выглядела естественным переходом от грязноватой белизны неба к свинцовой черноте реки. Время от времени небольшой участок одного из далеких склонов вдруг становился серебристо-желтым, даже зеленоватым, но практически тут же цветное пятно исчезало. Облака, узко рассеченные солнечным лучом, вновь сходились, отсекая его от земли.

«Дело не в том, что плохо топят, — думал доктор Стэдлер. — Холодно делается от вида за окном».

«Сегодня не такой уж мороз, — продолжал думать он. — Просто за зимние месяцы холод до такой степени накопился в костях, что пришлось прервать работу, отвлечься на бытовые проблемы, вроде плохого отопления, и разговоры о необходимости экономии топлива».

«Это нелепо, — думал он. — Природа все больше влияет на жизнь и дела людей. Раньше такого не было и в помине».

Даже если зима выдавалась более суровой, чем обычно, если проравший дамбу поток смывал участок железнодорожного полотна, людям не приходилось две недели есть только консервированные овощи. Если молния попадала в силовую подстанцию, такое учреждение, как Государственный научный институт, не оставалось без электричества на целых пять дней.

«Пять дней бездействия, — думал он. — Остановившиеся двигатели, обесточенные приборы, безвозвратно потерянные часы, которые его сотрудники могли бы потратить на познание тайн Вселенной».

Он в сердцах отвернулся от окна, на мгновение замер, вновь повернулся к окну. Не хотел смотреть на книгу, которая лежала на его столе.

Ну и где же этот доктор Феррис? Он взглянул на часы. Доктор Феррис опаздывал — удивительное дело — опаздывал на встречу с ним.

Доктор Флойд Феррис, лакей от науки, который всем своим видом выказывал готовность извиниться за то, что может снять перед ним только одну шляпу.

«И эта невероятная для мая погода, — думал Стэдлер, глядя на реку. — Конечно же, именно погода, а не книга так испортила мне настроение».

Книгу он положил на самое видное место, и когда понял, что даже смотреть на нее не хочет, то начал испытывать к ней не просто отвращение, а еще и другое чувство, признавать которое не хотелось. Он убеждал себя, что подняться из-за стола его заставила не лежащая на нем книга, а желание размяться, согреть замерзшее тело. Он кружил по кабинету, между столом и окном. И уже решил, что отправит книгу в корзину для мусора, где ей было самое место, сразу же после разговора с доктором Феррисом.

Взгляд его вновь задержался на пятне солнечного света и зелени на склоне далекого холма, обещании весны в мире, который выглядел до сих пор так, будто в нем уже никогда не вырастет трава, не распустятся почки. Его глаза радостно вспыхнули, а когда луч погас, он почувствовал укол острой тоски. Ему так хотелось, чтобы яркое пятно не пропало, а наоборот, ширилось, захватывая всю землю. Он вдруг вспомнил интервью, которое этой зимой брал у него известный писатель. Писатель приехал из Европы, чтобы написать о нем статью, и он, который всегда терпеть не мог интервью, говорил много и долго, слишком долго, увидев перед собой интеллектуала, в отчаянной надежде, что тот сумеет донести до читателей его мысли. Статья вышла. Писатель расхваливал автора, как мог, попутно сказав до неузнаваемости все идеи. Закрывая журнал, Стэдлер испытывал те же чувства, что и сейчас, когда облака в очередной раз разделили солнце и землю.

«Хорошо, — размышлял он, отворачиваясь от окна, — я должен признать, что иногда приступы одиночества одолевают меня; но я обречен на такое одиночество, это жажда ответной реакции живого, думающего разума. Я так устал от всех этих людей, — думал он с пренебрежением и горечью. — Я исследую космические лучи, а они не могут справиться с последствиями грозы».

Он почувствовал, как дернулись губы, словно пощечина запретила ему подобные мысли, и уже смотрел на книгу в сверкающей супер-обложке, опубликованную лишь двумя неделями раньше.

«Но я не имею к ней никакого отношения!» — мысленно крикнул он себе, и крик этот, казалось, растворился в безжалостной тишине. Ничто не ответило на него, даже эхо, подтвердившее бы его слова. На

суперобложке красовалось хлесткое название: «ПОЧЕМУ ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ВЫ ДУМАЕТЕ?»

Ни единого звука не раздавалось в безмолвии его сознания, напоминающем тишину зала судебных заседаний, там не звучали ни слова жалости, ни голос защиты, оставались лишь абзацы, которые впитала в себя его блестящая память. «Мысль — примитивное суеверие. Здравомыслие — иррациональная идея. Наивная убежденность в том, что мы способны думать, — ошибка, которая обошла человечеству дорожке любой другой».

«Мысли, которые вроде бы возникают в вашей голове, — иллюзия, создаваемая железами, эмоциями и, судя по последним данным, поддерживаемым вашим желудком».

«Серое вещество, которым вы так гордитесь, не более чем кривое зеркало в парке развлечений, от которого вы не получаете ничего, кроме искаженных сигналов из недоступной вам реальности».

«Чем больше ваша уверенность в собственных умозаключениях, тем выше вероятность того, что вы ошибаетесь. Ваш мозг — инструмент искажения: чем он активнее, тем сильнее создаваемое им искажение действительности».

«Титаны мысли, которыми вы так восхищаетесь, когда-то учили вас, что земля плоская, а атом — мельчайшая частица материи. Вся история науки — длинная череда вскрытых ошибок, а не достижений».

«Чем больше мы знаем, тем острее осознаем, что мы ничего не знаем».

«Только самые невежественные все еще держатся за принцип: что вижу, тому и верю. Увиденному нельзя верить в первую очередь».

«Ученый знает, что камень — вовсе не камень. Фактически он ничем не отличается от пуховой подушки. И то и другое — объемное образование невидимых, вращающихся частиц. Но, скажете вы, камень нельзя использовать как подушку? Что ж, сие лишь доказывает вашу беспомощность перед лицом истинной реальности».

«Последние научные открытия, скажем, выдающиеся достижения доктора Роберта Стэдлера, окончательно продемонстрировали, что наш разум не способен охватить природу Вселенной. Эти открытия позволили ученым выявить противоречия, сосуществование которых, согласно человеческим представлениям, невозможно, но в реальности они существуют. Возможно, вы об этом еще не слышали, мои дорогие, отставшие от жизни друзья, но уже доказано: рациональное и есть безумное».

«Не рассчитывайте на причинно-следственную связь. Есть только противоречия всему остальному. Нет ничего, кроме противоречий».

«Не ищите *здравый смысл*. Поиски *смысла* — критерий бессмыслия. В природе смысла нет. Его нет ни в чем. Если кто и пытается найти *смысл*, так это усердные юные «синие чулки», которые не могут завести бойфренда, и ретрограды-лавочники, думающие, что Вселенная столь же проста, как перечень имеющихся в лавке товаров да любимый кассовый аппарат».

«Давайте разобьем цепь предрассудков, именуемую логикой. Неужели нас остановит силлогизм?»

«Итак, вы думаете, что уверены в собственном мнении? Ни в чем нельзя быть уверенным. Вы собираетесь поставить под удар упорядоченную жизнь вашего городка, дружбу с соседями, положение в обществе, репутацию, доброе имя и финансовую безопасность... ради иллюзии? Во имя миража? Вы готовы идти на риск и обращаться в суд в столь опасное время, как наше, противопоставляя себя существующему общественному порядку, отстаивая те воображаемые представления, которые вы называете своими убеждениями? Вы говорите, что уверены в своей правоте? Правого нет и быть не может. Вы чувствуете, что в окружающем вас мире что-то не так? У вас нет возможности это знать. Для человеческого глаза все не так... и чего с этим бороться? Не спорьте. Принимайте все, как есть. Приспособливайтесь. Повинуйтесь».

Книгу написал доктор Флойд Феррис, а опубликовал Государственный научный институт.

— Я не имел к этому никакого отношения! — отчеканил доктор Роберт Стэдлер. Он все еще стоял у стола, и у него возникло неприятное ощущение, будто он на какое-то время отключился и теперь не знал, как долго был неподвижен. Слова эти он произнес вслух, с едким сарказмом, адресованным тому, кто заставил его их произнести.

Он пожал плечами. Смеяться над собой — не грех, а пожатие плеч являлось эмоциональным эквивалентом высказывания: «Ты — Роберт Стэдлер, так что не уподобляйся школьнику-неврастенику». Он сел за стол, отодвинул книгу в сторону.

Доктор Флойд Феррис опоздал на полчаса.

— Извините, но мой автомобиль сломался по пути из Вашингтона, и у меня ушло чертовски много времени, чтобы найти человека, который смог его починить. Машин на дороге становится все меньше, и половина ремонтных мастерских закрылась.

В голосе преобладало раздражение. Доктор Феррис сел, не дожидаясь приглашения. В любой другой профессии он бы не мог претендовать на успех, но доктор Феррис выбрал науку, и его всегда называли «этот

симпатичный ученый». В свои сорок пять лет, при шести футах роста, ему удавалось выглядеть выше и моложе.

Одевался он с иголки, двигался с грацией танцора, но вольностей в одежде себе не позволял, отдавая предпочтение черному и темно-синему. Над верхней губой темнела аккуратная полоска усов, и институтские остряки утверждали, что волосы у него такие гладкие и черные лишь по одной причине: он мажет их тем же кремом, что и туфли. Доктор Феррис любил повторять, вроде бы подтрунивая над самим собой, что однажды кинопродюсер предложил ему сыграть роль прожженного европейского жиголо. Научную карьеру он начал биологом, но то время давно ушло. Известность же получил как главный координатор Государственного научного института.

Доктор Стэдлер изумленно воззрился на него: неслыханное дело — на извинения хватило одного слова.

— Похоже, вы проводите в Вашингтоне много времени, — сухо заметил он.

— Но, доктор Стэдлер, разве не вы однажды похвалили меня, назвав сторожевым псом науки? — добродушно ответил доктор Феррис. — Вот я и считаю, что это моя главная обязанность.

— Такое ощущение, что вы готовы выполнять свои обязанности где угодно, только не в институте. Но, пока не забыл, вас не затруднит объяснить мне, откуда у нас это безобразие с нехваткой топлива?

Он не мог понять, с чего это вдруг лицо доктора Ферриса напряглось и приобрело обиженное выражение.

— Позвольте, но я не ожидал от вас подобных слов, — заговорил он официальным тоном, делающим говорящего мучеником без видимых причин. — Никто из руководства не нашел повода для критики. Мы только что отправили подробный доклад о достигнутых результатах в Бюро экономического планирования и национальных ресурсов, и мистер Уэсли Моуч остался крайне им доволен. В этом проекте мы показали себя с самой лучшей стороны. И не заслуживаем осуждения. Учитывая пересеченность местности, сильнейший пожар и сам факт, что прошло только шесть месяцев с того момента, как мы...

— О чем вы говорите? — прервал его доктор Стэдлер.

— О Восстановительном проекте Уайэтта. Разве вы спросили меня не об этом?

— Нет, — покачал головой доктор Стэдлер, — нет, я... Подождите. Давайте разберемся. Я вроде бы вспоминаю, что институт взялся за какой-то восстановительный проект. Так что мы восстанавливаем?

— Добычу нефти, — ответил Феррис. — Нефтяные промыслы Уайэтта.

— Там был пожар, не так ли? В Колорадо? Этот... минутку... этот человек поджег собственные нефтяные поля.

— Я склонен верить, что это слух, порожденный истеричной общественностью, — высказал свое мнение Феррис. — Все эти газетные истории не заслуживают внимания. Я не сомневаюсь, что этот пожар — несчастный случай, и Эллис Уайэтт погиб в огне.

— Так кому сейчас принадлежат промыслы?

— На текущий момент — никому. Уайэтт не оставил завещания, наследников у него нет, поэтому государство взяло на себя управление месторождением на семь лет, учитывая общественную важность его регулярной эксплуатации. Если Эллис Уайэтт не объявится за этот период, его официально признают умершим.

— А почему они пришли к вам... то есть к нам? Мы же не занимаемся добычей нефти.

— Высокая технологическая сложность поставленной задачи требует вмешательства лучших умов науки. Речь идет о восстановлении особого метода извлечения нефти, изобретенного Уайэттом. Его оборудование на месте, хоть и пришло в плачевное состояние. Частично технология известна, но почему-то полное описание процесса и его базовый принцип отсутствуют. Их нам и предстоит воссоздать.

— И как продвигается дело?

— Кое-что обнадёживает. Выделены крупные ассигнования. Мистер Моуч доволен нашей работой. Кстати, как и мистер Бэлч из Комиссии по чрезвычайным ситуациям, мистер Андерсон из Комитета по стратегическим запасам и мистер Петтибоун из Общества защиты прав потребителей. Не знаю, можно ли ожидать от нас большего. Проект успешно развивается.

— Вам удалось добыть нефть?

— Нет, но из одной из скважин получено примерно шесть с половиной галлонов. Объем, безусловно, имеет, скорее, экспериментальное значение, но необходимо принять во внимание тот факт, что на ликвидацию пожара ушло три месяца, и огонь полностью... почти полностью погашен. Наши проблемы сложнее тех, с которыми столкнулся Уайэтт. Он исправлял мелкие неполадки, а мы имеем дело с разрушениями вследствие преступного, антиобщественного саботажа, который... В общем я хочу сказать, проблема сложна, но мы, без сомнения, справимся с ней.

— Но я хотел спросить вас о нехватке нефти здесь, у нас в институте. Всю зиму в здании возмутительно холодно. Мне сказали, что топливо приходится экономить. Уверен, вы можете проследить за тем, чтобы нас снабжали лучше.

— Ах, вы об этом, доктор Стэдлер... Извините! — на лице доктора Ферриса расцвела улыбка облегчения, и он снова заговорил, пытаясь добиться расположения собеседника: — Вы хотите сказать, что температура настолько низкая, что доставляет вам неудобства?

— Я хочу сказать, что промерз до костей.

— Это непростительно! Почему мне до сих пор не доложили? Прошу принять мои персональные извинения, доктор Стэдлер и уверения в том, что такого больше не повторится. Наш отдел снабжения может извинить только одно: недостаток горючего — не их недосмотр. Я понимаю, вам необязательно это знать, подобные мелочи не должны занимать ваше бесценное внимание, но, видите ли, нехватка горючего этой зимой привела к общенациональному кризису.

— Вот как? Только, ради всего святого, не говорите мне, что эти несчастные прииски Уайэтта — единственный источник нефти в стране!

— Нет-нет, но неожиданный выход из строя крупнейшего месторождения вызвал панику на всем нефтяном рынке. Правительству пришлось ввести строгий контроль и нормирование топлива по всей стране, чтобы защитить важнейшие предприятия. Я выбил для института небывало высокую квоту только благодаря особому расположению и связям в коридорах власти, но смиренно признаю свою вину, если квота оказалась недостаточной. Уверяю вас, такое случилось в первый и последний раз. Просто временные трудности. К следующей зиме промыслы Уайэтта заработают, и условия вернуться к норме. Кстати, я отдал необходимые распоряжения перевести котельные института на уголь, к следующему месяцу работы могли бы уже быть закончены. Но тут внезапно в Колорадо без предупреждения закрылся «Литейный завод Стоктон», тот самый, что производил сменные части для наших котельных. Эндрю Стоктон совершенно неожиданно отошел от дел, и теперь придется подождать, пока его племянник не запустит завод вновь.

— Понятно. Что ж, надеюсь, что кроме прочих забот вы займетесь и этим, — доктор Стэдлер с досадой пожал плечами. — Даже смешно, с каким количеством промышленных предприятий приходится связываться.

— Но, доктор Стэдлер...

— Знаю, знаю, этого невозможно избежать. Кстати, что такое проект «Икс»?

Доктор Феррис бросил на него короткий взгляд — настороженный, но не испуганный.

— Откуда вам известно о проекте «Икс», доктор Стэдлер?

— Я слышал, как двое ваших молодых ребят что-то о нем говорили, напустив тумана, как детективы-любители. Они сказали мне, что проект очень секретный.

— Это верно, доктор Стэдлер. Крайне секретный исследовательский проект, доверенный нам правительством. Особенно важно, чтобы газеты не узнали о нем ни слова.

— Что означает «Икс»?

— «Ксилофон». Проект «Ксилофон». Название, разумеется, закодировано. Суть работы никак не связана с названием. Но я уверен, что вам это будет неинтересно. Чисто технологическая разработка.

— У меня нет времени на ваши технологические затеи.

— Позвольте попросить вас, доктор Стэдлер, не упоминать в разговорах о проекте «Икс».

— Хорошо, хорошо. Должен сказать, что не приветствую подобные дискуссии.

— Разумеется! Я не прощу себе, что отнял у вас столько времени. Уверяю, можете все предоставить мне, — он показал, что хочет поднаться. — Если вы пригласили меня по этому вопросу, позвольте вас уверить, что...

— Нет, — медленно проговорил доктор Стэдлер. — Я хотел вас видеть не за этим.

Феррис продолжал сидеть, больше не задавая вопросов.

Доктор Стэдлер потянулся и презрительно подтолкнул книгу к центру стола.

— Пожалуйста, — попросил он, — скажите, что это за непристойность?

Доктор Феррис даже не взглянул на стол. Он посмотрел прямо в глаза Стэдлера, потом откинулся в кресле и сказал со странной улыбкой:

— Я польщен, что вы сделали для меня исключение и прочитали популярную книгу. Это маленькое произведение за две недели разошлось тиражом в двадцать тысяч экземпляров.

— Я прочел его.

— И?

— Я требую объяснений.

— Текст вас разочаровал?

Доктор Стэдлер посмотрел на него в замешательстве:

— Вы хоть отдаете себе отчет, какую тему избрали для обсуждения и в какой манере? Один стиль чего стоит, а дурно пахнущее отношение к столь важному предмету?!

— Так вы считаете, что содержание требует более достойной формы представления? — его голос звучал так невинно, что доктор Стэдлер не смог уловить насмешки.

— Вы понимаете, *что* проповедуете в этой книжонке?

— Раз вы не одобряете ее, доктор Стэдлер, считайте, что я написал это по наивности. Мне бы так хотелось.

«Да-а, — подумал доктор Стэдлер, — непостижимое свойство Ферриса: ему достаточно *просто выслушать* в свой адрес критику, а все остальное его не трогает».

— Если бы у пьяного хама хватило сил выразить себя и излить свою суть на бумаге — беспросветную дикость, ненависть к разуму — именно такую книгу я ожидал бы увидеть в результате. Но знать, что она вышла из-под пера ученого, да еще и с грифом нашего института!..

— Но, мистер Стэдлер, эта книга вовсе не рассчитана на внимание ученых. Она написана как раз для того самого пьяного хама.

— Что вы хотите этим сказать?

— Для широкой публики.

— Господи! Да ведь любой распоследний дурак способен заметить вопиющие противоречия в каждом вашем высказывании.

— Скажем иначе, доктор Стэдлер: каждый, кто их не видит, достоин того, чтобы верить всем моим утверждениям.

— Но вы осветили вашу несусветную чепуху престижем науки! Все это впору сомнительной посредственности вроде Саймона Притчетта, пусть себе порет под кайфом мистическую чушь, все равно его никто не слушает. Вы заставляете думать, что *это* наука! Наука! Вы используете достижения разума для разрушения самого разума. По какому праву вы использовали мою работу для необоснованного и абсурдного вторжения в другую область, притянули за уши негодные метафоры, вывели чудовищные обобщения из чисто математической проблемы? По какому праву вы заявили, что я... Я дал санкцию на издание этой книги?

Доктор Феррис спокойно, не мигая, смотрел на доктора Стэдлера.

— Доктор Стэдлер, вы говорите так, словно книга предназначалась мыслящей аудитории. В этом случае пришлось бы оперировать такими категориями, как достоверность, обоснованность, логичность и престиж науки. Верно? Но книга адресована публике. А вы сами всегда говорите, что публика не думает, — он замолчал, но Стэдлер ничего не ответил, и Феррис продолжил:

— Эта книга не может иметь философской ценности, но ее психологическая польза велика.

— Какая польза?

— Понимаете, доктор Стэдлер, люди не хотят думать. И чем глубже пропасть, в которую они попали, тем меньше им хочется думать.

Интуитивно они понимают: думать необходимо, это рождает в них чувство вины, поэтому они боготворят каждого, кто оправдывает их нежелание мыслить; они готовы следовать за всяким человеком, способным превратить в добродетель, причем *высокоинтеллектуальную добродетель*, то, что другие привыкли считать грехом, слабостью и виной.

— И вы предлагаете этому потворствовать?

— Это путь к известности.

— Зачем вы добиваетесь известности?

Глазки доктора Ферриса будто мимоходом скользнули по лицу доктора Стэдлера.

— Как всякий государственный институт, мы живем на общественные средства, — буднично ответил он.

— И поэтому вы говорите людям, что наука — пустое мошенничество, которое следует упразднить?

— С точки зрения логики такой вывод из моей книги можно сделать. Но они его не сделают.

— А как быть с репутацией института, запятнанной в глазах интеллигенции, если таковая еще осталась?

— Зачем нам о ней волноваться?

Доктор Стэдлер счел бы сентенцию приемлемой, будь она вызвана ненавистью, завистью или злобой; но полное отсутствие в голосе Ферриса эмоций, невозмутимость и легкость, подразумевающая смехок, кольнули его, спровоцировав краткое ощущение нереальности, скользнувшее в желудок холодным комком ужаса.

— Вы ознакомились с отзывами на мою книгу, мистер Стэдлер? Ее приняли доброжелательно.

— Да, и мне в это трудно поверить, — ему приходилось отвечать так, словно он участвовал в ученом диспуте, но у него не было времени справиться с эмоциями. — Я не могу понять, почему вы вызвали такой интерес у уважаемых научных журналов, и отчего они позволили себе всерьез обсуждать вашу книгу. Будь рядом Хью Экстон, ни одно академическое издание не стало бы рассматривать ее с позиций философии.

— Его нет рядом.

Доктор Стэдлер чувствовал: есть слова, которые вот-вот сорвутся у него с языка, но ему уже давно хотелось закончить беседу.

— С другой стороны, — напомнил доктор Феррис, — а я уверен, что вы не обратили на это внимания, — на обложке цитируется весьма лестный отзыв, полученный мною от мистера Уэсли Моуча.

— Кто такой, черт возьми, этот мистер Уэсли Моуч?

Феррис улыбнулся:

— Через год, мистер Стэдлер, даже вы не зададите этот вопрос. Скажем так: мистер Моуч — тот человек, который в настоящее время котирует отпуск нефти.

— Тогда я предлагаю вам вернуться к работе. Договаривайтесь с мистером Моучем, пусть он занимается нефтью, а мне оставьте мир идей.

— Было бы забавно попытаться обозначить границу между ними, — по тону чувствовалось, что Феррис озвучивает прописную истину. — Но, коль скоро мы говорим о моей книге, мы затрагиваем и связи с общественностью, — он повернулся и указал на математические формулы, написанные мелом на доске: — Доктор Стэдлер, прискорбно даже думать о том, что вопросы связей с общественностью могут оторвать вас от работы, которую лишь вы один на всей земле способны выполнять.

Слова были сказаны с явным подбострастием, и доктор Стэдлер не мог бы объяснить, почему он услышал в них другую фразу: «Пиши уж лучше на доске свои формулы!»

Почувствовав болезненное раздражение, он обратил его на себя, серdito подумав, что пора избавляться от галлюцинаций.

— Связи с общественностью? — пренебрежительно сказал он. — Я не вижу никакой практической пользы от вашей книги. Не понимаю, какую задачу она выполняет.

— В самом деле? — Феррис вновь стрельнул в него глазками. Искорка наглости мелькнула так быстро, что, возможно, Стэдлеру просто почудилось.

— В приличном обществе я могу себе позволить обсуждать далеко не все, тем более в подробностях, — сухо произнес Стэдлер.

— Совершенно точно, — с готовностью подтвердил доктор Феррис и поднялся, давая понять, что разговор окончен. — Прошу вас, вызывайте меня в любое время, если возникнут какие-то неудобства, доктор Стэдлер, — заявил он. — Сочту за честь быть к вашим услугам.

Понимая, что должен подтвердить свой авторитет, подпорченный позорным осознанием того, что сам выбрал себе в заместители этого типа, доктор Стэдлер высокомерно, тоном саркастическим и грубоватым указал:

— Когда я вызову вас в следующий раз, потрудитесь сделать что-нибудь со своей машиной.

— Да, доктор Стэдлер, я сделаю все, чтобы больше не опаздывать, и прошу вас извинить меня. Моя машина доставляет мне кучу неприятностей, она разваливается на части, и недавно я заказал новую, лучшую на рынке — «Хэммонд-кабриолет», но Лоренс Хэммонд на

прошлой неделе покинул бизнес, без предупреждений и объяснений, и я попал впросак. Такие ублюдки, они как сквозь землю проваливаются. С этим нужно что-то делать.

Когда Феррис ушел, доктор Стэдлер устало опустился за стол, не желая больше никого видеть. Он чувствовал, что все равно ни один дорогой ему человек никогда больше не придет.

Он знал слова, которые не сумел произнести. Он не сказал, что подвергнет книгу публичному разоблачению и отвергнет ее ради честного имени института. Он не произнес этого вслух, опасаясь, что его угроза никак не повлияет на Ферриса, что Феррис в безопасности, а мир доктора Стэдлера потерял былую силу. И хоть он твердил себе, что позднее обдумает вопрос публичного протеста, знал, что не делает этого.

Он бросил книгу в корзину для мусора.

Неожиданно и отчетливо ему представилось лицо, различимое в мельчайших деталях, молодое лицо, которое он долгие годы запрещал себе вспоминать. Он подумал: «Нет, он не читал этой книги, он не увидит ее, он умер, он должен был умереть давным-давно...» Шок от страшного знания того, что именно этого человека он хотел бы увидеть больше всего на свете, и того, что на это нет никакой надежды, поскольку он мертв, вызвал острую боль.

Он не понимал, почему, когда зазвонил телефон и секретарша сказала, что звонит мисс Дагни Таггерт, он радостно схватил телефонную трубку, заметив при этом, что рука дрожит. Больше года он думал, что она никогда не захочет его видеть. Он услышал ее чистый бесстрастный голос, просивший о встрече.

— Да, мисс Таггерт, конечно, да, разумеется... В понедельник утром? Послушайте, мисс Таггерт, сегодня у меня в Нью-Йорке встреча, я мог бы заскочить к вам в офис во второй половине дня, если хотите... Нет, никакого беспокойства, я буду счастлив... Сегодня днем, мисс Таггерт, после двух, то есть часам к четырем.

Не было никакой встречи в Нью-Йорке. Но он не стал разбираться, что подвигло его на это. Лишь радостно улыбался, глядя на солнечное пятно на дальнем склоне холма.

\* \* \*

Дагни, сохраняя спокойствие, вычеркнула из расписания поезд номер девяносто три и почувствовала даже некоторое удовлетворение. За последние шесть месяцев ей приходилось делать это много раз.

Настанет день, подумалось ей, когда она сможет проводить эту смертельную черту без малейшего усилия над собой. Поезд номер девяносто три, товарный состав, доставлял грузы в Хэммондсвилл, штат Колорадо.

Она понимала, что за этим последует: сначала сокращение прямых рейсов, потом уменьшение числа вагонов для Хэммондсвилла, прицепленных к хвостам поездов, едущих в другие города, затем явная нехватка пассажирских поездов, делавших остановку на железнодорожной станции Хэммондсвилл, и недалек был тот день, когда она вычеркнет Хэммондсвилл, Колорадо, с карты. Та же судьба ожидала узловую станцию Уайэтт и город Стоктон.

Дагни понимала, что после известия о том, что Лоренс Хэммонд отходит от дел, ожидать, надеяться и уповать на то, что его кузен, его адвокат или комитет местных граждан запустят завод вновь, смысла нет. Она знала, что настало время пересмотреть расписание.

Это продолжалось меньше шести месяцев после ухода Эллиса Уайэтта, период, который газетчики весело прозвали «памятным днем для маленького человека». Каждый производитель нефти в стране, владевший тремя скважинами и нывший, что этот Эллис Уайэтт не оставляет ему шансов на выживание, поспешил подтянуть под себя пепелище, оставленное пожаром на крупнейшем нефтяном месторождении. Они объединялись в лиги, кооперативы, ассоциации, сливали акции в единые пулы. «Солнышко пригрело маленького человека», — писали газеты. Их солнцем стали языки пламени, вырывавшиеся из-под обломков «Уайэтт Ойл». В их сиянии они заработали состояния, которые им и не снились, бешеные деньги, не потребовавшие от них ни компетенции, ни усилий. Потом их крупнейшие клиенты, такие как электрические компании, поглощавшие нефть целыми грузовыми составами и не дававшие побряк человеческой слабости, начали переходить на уголь, а клиенты поменьше, более скромные, стали просто выходить из бизнеса. Парни в Вашингтоне ввели нормирование потребления нефти и запердельные налоги на ее производителей для поддержки безработных нефтяников. Потом закрылось несколько крупных нефтяных компаний, затем маленькие люди под солнцем обнаружили, что скважина, которая стоила сотню долларов, сегодня обходится в пять сотен, рынка нефтяного оборудования не существует, из одной скважины нужно добывать столько, сколько прежде добывали из пяти, иначе прогоришь. Нефтепроводы прекращали работу: не стало денег на их обслуживание; железные дороги запросили решения поднять плату за грузовые перевозки, они перевозили

меньше нефти, и дороговизна составов с нефтяными цистернами оказалась фатальной для двух небольших железных дорог. Солнце стало клониться к закату, и маленькие люди увидели, что стоимость добычи, прежде позволявшая им выживать на участках в шестьдесят акров, которую обеспечивали квадратные мили месторождения Уайэтта, поднялась до заоблачных высот и скрылась в тех же клубах дыма. Пока их состояния не улетучились, а нефтяные насосы не остановились, маленькие люди так и не поняли, что ни один бизнесмен в стране не может больше позволить себе покупать нефть по цене ее теперешней добычи. Тогда парни в Вашингтоне выделили субсидии добывающим компаниям, но не все производители имели друзей в коридорах власти, и возникла ситуация, изучить или обсудить которую никто не потрудился.

Эндрю Стоктон занимал положение, которому завидовало большинство бизнесменов. Лихорадка перехода на уголь свалилась на его плечи, словно груз золота: ему приходилось обеспечивать круглосуточную работу, чтобы успеть раньше зимних метелей построить как можно больше котельных. Надежных литейных производств осталось немного, он стал главной опорой всех кухонь и котельных страны. Опора рухнула без предупреждения. Эндрю Стоктон объявил, что отходит от дел, закрыл завод и исчез. Он не сказал ни слова о том, как считает нужным поступить с заводом и имеют ли право его родственники открыть его вновь.

На дорогах страны еще появлялись автомобили, но они напоминали путников, бредущих в пустыне среди выжженных солнцем скелетов лошадей: одни машины двигались мимо остовов других, павших в пути и брошенных в придорожных кюветах. Но еще оставались люди, которым удавалось доставать топливо по знакомству, о котором никто не спрашивал. Эти люди покупали автомобили, не торгуясь. Свет заливал горы Колорадо из огромных окон завода, где конвейеры Лоренса Хэммонда гнали грузовики и автомобили к запасным путям «*Таггерт Трансконтинентал*». Весть о том, что Лоренс Хэммонд оставил дела, пришла, когда этого ожидали меньше всего, короткая и внезапная, как гром среди ясного неба. Комитет местных граждан транслировал по радио воззвания, умоляя Лоренса Хэммонда, где бы он ни был, дать разрешение на открытие завода. Ответа не последовало.

Дагни вскрикнула, когда ушел Эллис Уайэтт; она ахнула, когда отошел от дел Эндрю Стоктон; услышав, что Лоренс Хэммонд оставил бизнес, она апатично спросила: «Кто следующий?»

— Нет, мисс Таггерт, я не могу этого объяснить, — сказала ей сестра Эндрю Стоктона в ее последний приезд в Колорадо два месяца

назад. — Он мне ни слова не сказал, я даже не знаю, жив он или умер, как Эллис Уайэтт. Нет, накануне ничего примечательного не случилось. Я только помню, что в тот последний вечер к нему приходил какой-то мужчина. Незнакомец, я его прежде никогда не встречала. Они проговорили допоздна, — когда я ложилась спать, в окне кабинета Эндрю еще горел свет.

В городках штата Колорадо люди молчали. Дагни видела, как они бродили по улицам, мимо своих маленьких закусочных, скобяных и бакалейных лавок, словно надеясь, что мелькание магазинчиков спасет их от необходимости смотреть в будущее. Она тоже прошла по этим улочкам, стараясь не поднимать головы, чтобы не видеть закопченных камней и искореженного металла, оставшихся от нефтяных полей Уайэтта. Они виднелись в большинстве городков; стоило поднять голову, наблюдать можно было лишь развалины.

Одна скважина на самой вершине холма все еще горела. Никто не смог ее потушить. Дагни видела с улицы: огненный шлейф развевался на фоне неба, словно хотел оторваться и улететь. Она видела это и ночью, за сто миль, из окна поезда.

Люди прозвали его Факелом Уайэтта.

Самый длинный состав на дороге «Линия Джона Голта» насчитывал сорок вагонов; самый быстрый шел со скоростью пятьдесят миль в час. Двигатели приходилось беречь: они работали на угле, давным-давно выработав свой ресурс. Джим получал топливо для дизелей, которые тянули его «Комету» и еще несколько трансконтинентальных составов. Единственный поставщик горючего, на которого Дагни могла рассчитывать и с кем имела дело, был Кен Данаггер из «Данаггер Коул» в Пенсильвании.

Пустые составы постукивали колесами через четыре соседних штата по направлению к Колорадо. Они везли несколько вагонов овец, немного зерна, немного арбузов и случайных пассажиров, семью фермера, у которого были друзья в Вашингтоне. Джим получил в Вашингтоне субсидию для каждого работающего состава не ради прибыли, а для обеспечения «равенства населения».

Дагни отдавала все силы, чтобы сохранить движение поездов в тех регионах, где в них еще нуждались, где еще теплилось производство. Но в балансовых сводках «Таггерт Трансконтинентал» чеки субсидий Джиму на пустые поезда содержали бóльшие цифры, чем прибыль, принесенная лучшим грузовым составом в самом оживленном промышленном районе.

Джим хвастал, что последние шесть месяцев — самые удачные в истории дела Таггертов. Но на глянцевого страницах его рапорта держателям акций в графе «прибыль» были учтены деньги, которые

он не заработал: субсидии за пустые поезда и деньги, которыми он не владел, — суммы, поступающие за уплату процентов и долгов компании Таггертов, недостачу которых, по распоряжению Уэсли Моуча, им разрешалось не выплачивать. Он похвально рослом грузовых перевозок в Аризоне, где Дэн Конвей закрыл последний завод «Феникс-Дуранго» и отошел от дел; и в Миннесоте — там Пол Ларкин перевозил по рельсам железную руду, и последние груженные баржи скрылись в туманах Великих озер.

— Ты всегда считала, что делать деньги — очень важная вещь, — сказал ей Джим со странной полуулыбкой. — Что ж, сдается мне, что в этом я преуспел больше, чем ты.

Никто не признавал открыто проблему замороженных долгов железных дорог, возможно, потому, что все слишком хорошо ее понимали. Во-первых, среди держателей облигаций начиналась паника, и еще больше волновалась общественность, во-вторых, Уэсли Моуч разослал еще одну директиву, обещавшую, что люди могут «разморозить» свои облигации, доказав «насушную необходимость» этого шага. Правительство скупит облигации, если сочтет доказательства удовлетворительными. Оставалось ответить на три вопроса: «Что означает *доказательство?*», «Что означает *необходимость?*» и «Насушная — для кого?».

Вскоре стало дурным тоном рассуждать о том, почему один человек получил разрешение на размораживание своих денег, а другому отказали. Люди молча поджимали губы, услышав вопрос: «Почему?» Просто сообщали, но не объясняли; систематизировали факты, но не оценивали их: мистер Смит «разморожен», мистер Джонс — нет, вот и все. А когда мистер Джонс кончал жизнь самоубийством, люди говорили: «Ну не знаю, если бы ему действительно нужны были деньги, правительство дало бы их ему, но просто некоторые люди слишком жадные».

Не говорили о том, что люди, получив отказ, продавали облигации за треть их стоимости другим людям, которые чудесным образом превращали свои замороженные тридцать три цента в полновесный доллар; или о новой профессии, которой овладели бойкие мальчики, только пришедшие с институтской скамьи, называвшие себя «размораживателями» и предлагавшие «оформить вашу заявку по надлежащей современной форме». Мальчики имели друзей в Вашингтоне.

Глядя с платформы провинциальной станции на рельсы компании Таггертов, Дагни поймала себя на том, что чувствует не былую гордость, а смутный стыд, словно на металле вырос слой ржавчины и даже хуже: словно в ржавчине присутствовал оттенок крови. Но потом, на пересечении путей, она всматривалась в статую Нэта Таггерта

и думала: «Это твои пути, ты их создал, ты боролся за них, тебя не остановили бы ни страх, ни отвращение. И я не отступлю перед натиском крови и ржавчины, ведь я единственная, кто остался, чтобы защищать твою дорогу».

Она не прекращала поиски человека, создавшего мотор.

Это было единственной частью ее работы, позволявшей выдерживать все остальное.

Это было единственной достижимой целью, придававшей смысл ее борьбе. Иногда, правда, она задавалась вопросом, зачем она хочет воссоздать мотор.

Казалось, какой-то голос спрашивает ее: «Зачем?» «Потому что я еще жива», — отвечала она. Но ее поиски оставались тщетными. Два ее инженера ничего не нашли в Висконсине. Она послала их обыскать всю страну и найти человека, который работал в «*Двадцатом веке*», и выяснить имя создателя мотора. Они не нашли ничего. Она послала их посмотреть папки Патентного бюро, но на мотор никогда не был выдан ни один патент.

Единственным, что осталось у нее от ее собственных поисков, был сигаретный окурок с отметкой «один доллар». Она не вспоминала о нем, пока однажды вечером он не попался ей под руку в ящике стола. Она показала его знакомому в табачном киоске на платформе. Старик изучил окурок, осторожно держа его двумя пальцами, и до крайности изумился: он никогда не слышал о такой марке, не мог же он ее пропустить. «Хороший был табак, мисс Таггерт?» — «Лучше я не курила». Он озадаченно покачал головой. Старик обещал узнать, где изготавливались сигареты и прислать ей блок.

Дагни пыталась найти ученого, способного реконструировать мотор. Она провела собеседования с людьми, рекомендованными ей как лучшие головы в своей области. Первый из них, изучив останки мотора и рукописи, заявил тоном инструктора по строевой подготовке, что эта штука работать не может, никогда не работала, и ему по силам доказать, что никогда такой мотор не заставит работать. Другой, растягивая слова, словно отвечая на надоевший вопрос двоечника, сообщил, что не знает, можно ли его сделать, и не собирается это выяснять. Третий воинственно провозгласил, что может заняться этим вопросом по контракту на десять лет по двадцать пять тысяч долларов в год: «В конце концов, мисс Таггерт, если вы ожидаете получить от этого мотора огромные прибыли, вы должны оплатить мне рабочее время». Четвертый, самый молодой, минуту посмотрел на нее молча, и выражение его лица изменилось с бесстрастного на презрительное: «Знаете, мисс Таггерт, я не думаю, что такой мотор вообще нужно создавать, даже если кому-то удастся придумать, как это сделать. Он настолько превзойдет все

ныне существующее, что это будет нечестно по отношению к мелким исследователям, поскольку для их достижений и способностей места уже не останется. Я не думаю, что сильный обладает правом ранить самоуважение слабого». Она выставила его из кабинета и сидела там в невероятном ужасе от сознания того, что самое порочное заявление, услышанное ею в своей жизни, высказано тоном морализирующего праведника.

Решение поговорить с доктором Робертом Стэдлером стало ее последней надеждой.

Она заставила себя позвонить ему, с трудом преодолев внутреннее сопротивление, не оставлявшее ее. Она не старалась переубедить себя. Она думала: «Я же работаю с такими людьми, как Джим и Оррен Бойль, вина Стэдлера меньше, так почему я не могу ему позвонить?»

Не найдя ответа, она только чувствовала, что единственный человек на земле, которому она не должна звонить, — доктор Роберт Стэдлер.

Сидя за столом, под расписаниями «*Линии Джона Голта*», ожидая прихода доктора Стэдлера, Дагни раздумывала о том, почему в науке годами не появлялось таланта первой величины. Она не могла найти ответа, только смотрела на черную линию, похоронившую поезд номер девяносто три в расписании.

Поезд обладал двумя атрибутами живого организма — движением и целью, но сейчас он стал всего лишь кучей мертвых вагонов и двигателей. Не позволяй себе задумываться, приказала она, расформируй состав как можно скорее, двигатели требуются повсюду, Кен Дагнаггер в Пенсильвании требует поездов, больше поездов, если только...

— Доктор Роберт Стэдлер, — раздался голос из аппарата внутренней связи.

Он вошел, улыбаясь. Улыбка должна была смягчить его слова.

— Мисс Таггерт, вы не поверите, как я рад видеть вас снова.

Она не улыбнулась в ответ, ответив серьезно и учтиво.

— Очень любезно с вашей стороны приехать сюда, — выпрямившись, она медленно, официально наклонила голову в приветствии.

— Признаюсь, мне не хватало только правдоподобного предложения, чтобы приехать. Это вас не разочарует?

— Я постараюсь не переоценить вашу учтивость, — она по-прежнему не улыбалась. — Прошу вас садиться, доктор Стэдлер.

Он нервно озирался.

— Никогда раньше не бывал в кабинете начальника железных дорог. Не знал, что он будет таким... таким официальным. Работа сказывается?

— Дело, по которому я хотела бы спросить у вас совета, далеко от сферы ваших интересов, доктор Стэдлер. Вам может показаться странным, что я позвонила вам. Позвольте мне объяснить причину моего звонка.

— Тот факт, что вы захотели со мной связаться, уже является достаточной причиной. Если я хоть чем-нибудь смогу вам помочь, то получу от этого огромное удовольствие, — его улыбка обращала на себя внимание, улыбка человека, который не прикрывает ею слова, а имеет смелость выражать свои эмоции искренне.

— У меня возникла чисто техническая проблема, — сказала она чистым, невыразительным тоном молодого механика, обсуждающего трудное задание. — Я понимаю ваше пренебрежение этой сферой человеческой деятельности. Конечно же, это не фундаментальная наука. Я не ожидаю от вас решения моей проблемы — это не ваша работа. Я позвонила только для того, чтобы ознакомить вас с проблемой, а затем задать вам всего два вопроса. Мне пришлось позвонить вам, потому что дело требует ума, очень мощного ума, — она говорила без эмоций, только констатируя факты, — а вы — единственный оставшийся великий ученый.

Она не могла бы объяснить, почему ее слова обидели его. Она увидела, как застыло его лицо, в глазах появилось выражение странной искренности, открытой и почти умоляющей, потом она услышала его голос, изменившийся, словно под давлением эмоции, ставший проще и застенчивей:

— В чем состоит ваша проблема, мисс Таггерт?

Она рассказала ему о моторе и о том месте, где она нашла его; о том, что оказалось невозможно узнать имя его создателя; не стала только вдаваться в детали своего поиска. Потом протянула ему фотографии мотора и остатки рукописи.

Она смотрела на него, пока он читал. Заметила, с каким профессионализмом он быстро окинул взглядом материалы, потом замер, сосредоточился, губы его сложились, словно он присвистнул или ахнул. Потом застыл на несколько минут, взгляд стал отсутствующим, Стэдлер как будто просматривал бесчисленные зацепки, не упуская ни одной, затем пролистал бумаги назад, остановился, вчитался. Казалось, он разрывается между готовностью впитать все перспективы, открывшиеся перед его немислимой интуицией. Она чувствовала его молчаливое возбуждение,

знала, что он позабыл о ее кабинете, о ее существовании, обо всем, кроме изобретения, и подумала, хорошо было бы, если бы ей нравился Роберт Стэдлер.

Они молчали почти целый час, когда он, наконец, закончил читать и взглянул на нее.

— Это потрясающе! — радостным и растерянным тоном объявил он, словно сообщая неожиданную новость, которой она не ожидала услышать.

Как бы ей хотелось улыбнуться в ответ и разделить с ним радость, но она просто кивнула и холодно ответила:

— Да.

— Но, мисс Таггерт, это великолепно!

— Да.

— И вы говорите, что это технический вопрос? Нет, много, много больше. Страницы, где он описывает конвертер... вы видите, какова его предпосылка. Он пришел к новой концепции энергии. Он разбирает в пух и прах все наши стандартные допущения, согласно которым его мотор было бы невозможно создать. Он формулирует новые, свои собственные принципы и раскрывает секрет преобразования потенциальной энергии в кинетическую. Знаете ли вы, что это означает? Вы понимаете, что за подвиг чистой, абстрактной науки он совершил, прежде чем создал свой мотор?

— Кто? — спокойно спросила она.

— Прошу прощения?

— Это первый из двух вопросов, которые я хотела вам задать, доктор Стэдлер: можете ли вы назвать мне молодого ученого, известного десять лет назад, который был бы способен на это?

Он растерянно замолчал; над этим он не успел подумать.

— Нет, — нахмуясь, медленно ответил Стэдлер. — Нет, я никого не могу вам назвать... И это странно... потому что человек с такими способностями не остался бы незамеченным... непременно кто-нибудь обратил бы на него мое внимание... Всех многообещающих физиков всегда присылают ко мне... Так, говорите, вы нашли это в исследовательской лаборатории рядового завода, изготавливавшего моторы?

— Да.

— Странно. Что он там делал?

— Проектировал мотор.

— Об этом я и говорю. Человек, отмеченный печатью гения, истинный ученый, предпочел создавать технические изобретения? Я считаю это возмутительным. Ему понадобился мотор, и он преспокойно производит фундаментальную революцию в науке об энергии

и не удосуживается опубликовать свои открытия, а сразу изготавливает свой мотор. Зачем он захотел тратить свои мозги на практические предметы?

— Возможно, потому что ему нравилось жить на этой земле, — непроизвольно вырвалось у нее.

— Прошу прощения?

— Нет, извините, доктор Стэдлер. Я не намерена обсуждать... не относящееся к делу.

Он отвел взгляд, вернувшись к своим мыслям.

— Почему он не пришел ко мне? Почему не работал в крупном научном центре, как ему пристало? Если ему хватило разума создать это, уверен, что он понимал всю важность своего творения. Почему он не опубликовал статью о своей теории энергии? Я могу проследить общее направление его работы, но, черт его побери, самые важные страницы утеряны, вывод отсутствует! Уверен, что кто-то из его окружения знал достаточно, чтобы сообщить о его работе всему научному сообществу. Почему это не сделано? Как они могли отвергнуть, просто отвергнуть достижение такого рода?

— Здесь много вопросов, на которые я не нахожу ответа.

— И, кроме того, с практической точки зрения, почему этот мотор оказался в куче мусора? Любой жадный дурак из мира промышленности ухватился бы за него, чтобы сделать себе состояние. Не нужно обладать мощным разумом, чтобы увидеть его коммерческую ценность.

Она улыбнулась в первый раз, неприятной от горечи улыбкой, и ничего не сказала.

— Вам не удалось разыскать конструктора? — спросил он.

— Это совершенно невозможно.

— Вы думаете, он еще жив?

— У меня есть причины так думать. Но полной уверенности нет.

— Что, если я помещу объявление о нем?

— Нет. Не нужно.

— Но если я помещу объявление в научных изданиях и поручу мистеру Феррису... — он умолк. Он поймал ее быстрый взгляд. Дагни ничего не сказала и выдержала его ответный взгляд. Стэдлер отвел глаза и закончил фразу холодно и жестко:

— ...и поручу мистеру Феррису объявить по радио, что я хочу его видеть, откажется ли он прийти?

— Да, мистер Стэдлер, я думаю, что он откажется.

Больше он не смотрел на нее. Его лицо слегка напряглось и тут же расслабилось. Она не могла бы сказать, что за свет погас у него

внутри, как и о том, что заставило ее подумать именно о гаснущем свете.

Он бросил рукопись на стол привычным небрежным движением кисти.

— Люди, достаточно сообразительные, чтобы продавать свои мозги за деньги, должны были бы приобрести некоторые знания реальной жизни.

Он взглянул на нее с вызовом, словно ожидая услышать сердитый ответ. Но ее ответ оказался хуже, чем гнев: лицо Дагни осталось бесстрастным, словно правда или фальшь его умозаключений больше ее не интересовали. Она вежливо произнесла:

— Второй вопрос, который я хотела вам задать: не будете ли вы так добры назвать мне имя физика, который, по вашему мнению, способен реконструировать этот мотор?

Стэдлер хмыкнул; в его голосе звучала боль.

— Вас тоже терзает эта мысль, мисс Таггерт? О невозможности отыскать где-нибудь хоть сколь-нибудь интеллектуальную личность?

— Я встречалась с несколькими физиками, которых мне настоятельно рекомендовали, и сочла их совершенно безнадежными.

Он порывисто наклонился вперед.

— Мисс Таггерт, вы позвонили мне, потому что доверяете моему научному суждению?

В вопросе звучала откровенная мольба.

— Да, — ровно ответила она. — Я доверяю вашему научному суждению.

Он откинулся назад. Казалось, скрытая улыбка смыла напряжение с его лица.

— Я хотел бы вам помочь, — он говорил с ней, как с другом. — Помочь из эгоистических соображений, потому что, видите ли, это моя самая большая проблема — найти талантливых людей для моей собственной команды. Талант, черт возьми! Я удовлетворился бы даже его внешними признаками, но люди, которых мне присылают, по правде говоря, имеют потенциал, позволяющий дорасти разве что до приличного гаражного механика. Не знаю, может, я старею и становлюсь слишком требовательным, а может, человеческая раса вырождается, но в моей юности мир не был так беден интеллектуально. Если бы вы видели, из кого приходится сегодня выбирать, вы бы...

Он умолк, словно пораженный внезапным воспоминанием. Он помолчал, как будто обдумывая нечто, о чем не хотел говорить. Она

убедилась в этом, когда он резко заключил, обиженным тоном, прикрывавшим отступление:

— Нет, я не знаю человека, которого мог бы порекомендовать вам.

— Это все, о чем я хотела спросить вас, доктор Стэдлер, — проговорила она. — Благодарю за то, что уделили мне время.

Мгновение он сидел молча, словно не мог заставить себя уйти.

— Мисс Таггерт, — попросил он. — Вы не могли бы показать мне сам мотор?

Она в растерянности посмотрела на него.

— Да... Но он находится в подземном хранилище, под туннелями Терминала.

— Я был бы рад, если бы вы пустили меня туда. У меня нет никакого особого мотива. Простое любопытство. Мне хотелось бы на него посмотреть, вот и все.

Когда они остановились в гранитном подземелье над стеклянным контейнером с изломанной металлической конструкцией внутри, он снял шляпу медленным рассеянным движением, и она не смогла сказать, было ли это автоматическим движением, ведь он находился в помещении рядом с женщиной, или жестом, каким обнажают голову, стоя над гробом.

Они молча стояли в свете одинокой лампочки, отражавшемся от стеклянной поверхности. В отдалении постукивали колеса поезда, и порой казалось, что внезапная резкая вибрация старалась исторгнуть ответ из останков, покоящихся в стеклянном саркофаге.

— Это так прекрасно, — негромко произнес Стэдлер. — Прекрасно видеть крупную, новую, ключевую идею, которая принадлежит не мне!

Она посмотрела на него, чтобы убедиться, правильно ли его понимает. Он заговорил со страстной уверенностью, отвергая условности, не заботясь о том, прилично ли позволять слышать его боль, не видя ничего, кроме лица женщины, способной его понять:

— Мисс Таггерт, вам известен критерий посредственности? Это злоба по отношению к чужому успеху. Эти трепетные бездарности, трясущиеся при мысли о том, что чужая работа окажется лучше, чем их собственная... Им не знакомо одиночество, которое приходит, когда достигаешь вершины. Одиночество из-за отсутствия равного, ума, который ты мог бы уважать, и открытия, которым ты мог бы восхищаться. Они ощеривают на тебя зубы из своих крысиных нор, уверенные в том, что ты получаешь удовольствие, затмевая их, в то время как ты отдал бы год жизни, лишь бы уловить среди них искру

таланта. Они завидуют успеху, и в своих мечтах о величии рисуют мир, где все люди становятся их благодарными подчиненными. Им невдомек, что эта мечта — безошибочное доказательство их заурядности, потому что в таком мире талантливый человек не выживет. Им не дано узнать, что он чувствует, окруженный посредственностями. Ненависть? Нет, не ненависть, но скуку, ужасную, безнадежную, опустошающую, парализующую скуку. Чего стоят лесть и низкопочклонство тех, кого не уважаешь? Вы когда-нибудь ощущали желание узнать человека, которым вы можете восхищаться? На кого вы не будете смотреть сверху вниз, а только снизу вверх?

— Я чувствовала это всю свою жизнь, — ответила она. В этом ответе она не могла ему отказать.

— Я знаю, — в его голосе зазвучали нежные нотки. — Я знал это, впервые заговорив с вами. Вот почему я пришел сегодня... — он на секунду замолчал, но она ничего не ответила на призыв, и он договорил с прежней тихой нежностью: — Что ж, вот почему я хотел увидеть мотор.

— Понимаю, — мягко сказала она. Звук ее голоса — единственная благодарность, которую она могла даровать ему.

— Мисс Таггерт, — он опустил глаза, глядя на стеклянный ящик, — я знаю человека, который способен взяться за реконструкцию этого мотора. Он не работает на меня, поэтому он, возможно, тот самый человек, который вам нужен.

К тому времени, когда Стэдлер поднял голову — и прежде, чем успел заметить восхищение в ее открытом взгляде, о котором он молил, прощающем его взгляде, — он преодолел себя, добавив в голос сарказма:

— Совершенно очевидно, что молодой человек не хочет работать на благо общества или процветания науки. Он сказал мне, что не пойдет на государственную службу. Полагаю, что он захочет получить большее жалованье от частного работодателя.

— Да, — жестко ответила она. — Возможно, именно такой человек мне нужен.

— Это молодой физик из Технологического института штата Юта, — сухо сказал он. — Его зовут Квентин Дэниелс. Несколько месяцев назад его прислал ко мне мой друг. Он явился, чтобы увидеться со мной, но отказался от работы, которую я ему предложил. Я хотел взять его в свою команду. У него голова настоящего ученого. Не знаю, добьется ли он успеха с вашим мотором, но по крайней мере у него есть для этого способности. Надеюсь, вы сможете связаться с ним через упомянутый мною институт штата Юта. Я не знаю, чем он там сейчас занимается, — это учреждение год назад закрыли.